Дама Роже Де
Записки
Lib.ru/Классика: [Регистрация] [Найти] [Рейтинги] [Обсуждения] [Новинки] [Обзоры] [Помощь]

- Оставить комментарий
- Дама Роже Де (vm@lib.ru)
- Год: 1912
- Обновлено: 27/04/2013. 210k. Статистика.
- Очерк: Мемуары, История Мемуары
- Аннотация:
Впервые опубликовано: Memoires du comte Roger de Damas. Russie-Valmy et armee de Conde Naples (1787 - 1806). Paris, 1912.
На русском языке: Записки графа Рожера Дама //Старина и новизна: Исторический сборник. - СПб., 1914. Кн. XVIII.

Ваша оценка: Не читал OK

ГЛАВА III

Русский лагерь. - Неосторожная прогулка с принцем Линем. - Сравнение турецкой, австрийской и русской армий. - Награды, пожалованные Дама императрицей. - Осада Очакова. Смелые вылазки турок; автор ранен в одной из них, а вскоре ранен был еще раз пушечным ядром. - Бездействие Потемкина; прибытие в лагерь еще трех его племянниц; принц Линь и принц Нассау, недовольные медлительностью действий, покидают армию. - Холод и голод. - Первые известия о революции во Франции; мнение, высказанное Потемкиным

В крепости находилось 300 человек, паша с бунчуком, начальник янычар и магазины с запасами на 2 месяца для Очакова. Всякий другой народ, кроме турок, сделал бы этот пост неприступным. Остров имеет около 800 сажен длины и 250 сажен ширины. Крепость достаточно сносна, и ров ее тянется во всю длину острова. Гарнизон Очакова с высоты своих стен видел эту экспедицию, но не намеревался последовать примеру острова, пока не были приняты те же меры, чтобы его к тому принудить. 19-го снова был дан залп для салютования императорского знамени, водруженного на острове.

В ночь с 20-го на 21-е князь приказал построить батарею в 24 орудия на левом крыле, которая поражала главный бастион города и пробивала бреши на очень недалеком расстоянии. 22-го турки сделали жестокую вылазку и на короткое время овладели батареей, но были отброшены резервом, захватив, однако, к несчастью, в виде трофея голову генерала Максимовича, человека, достойного уважения во всех отношениях, о смерти которого глубоко сожалела вся армия. Князь приказал пленным туркам осмотреть трупы их соотечественников; они узнали между ними трех начальников янычар и часть анатолийцев, прибывших с последним подкреплением, которое капитан-паша высадил в город, перед тем как покинуть стоянку.

Поведение гарнизона ясно показывало, что он не согласится ни на какую капитуляцию. Сераскир ожидал всего от своей устойчивости, от бедствий, которым мы подвергались, и доказывал своим постоянством, что только приступ может спасти нас от дальнейших несчастий, причиняемых временем года и климатом. Мороз был в 20 - 24°. Армия только и желала попытать счастье, лишь бы избавиться от мук голодной и холодной смерти, но князь все еще не поддавался.

3 декабря, с помощью евреев, до нас дошла газета из Лейдена, принесшая мне утешительную новость. Я прочел в ней, что мой дядя* только что был произведен в полковники французской гвардии, и хотя время, в которое он получал эту милость, вызывало во мне тревогу по поводу того, как он будет в состоянии воспользоваться ею, тем не менее я еще недостаточно точно предвидел будущее, чтобы не ощущать глубокого удовлетворения от блестящего знака милости, которым король украсил его и без того уже блестящую карьеру.

* *Герцог Шатель-Ломон.*

Я должен вызвать одновременно и жалость, и зависть, сказав, что счастье личного моего положения во всех отношениях было омрачено лишь физическими страданиями, которые я испытывал. Холод, который я переносил день и ночь в продолжение двух месяцев, был выше моих сил и моей натуры. К тому же недовольство, которое меня окружало, интриги, царившие в армии, присоединялись к мукам от сознания бесполезности пребывания в этом холоде, где, казалось, нам суждено было умереть от бедствий и нехлеба. Известно, что эта зима 1788 г. была замечательна во всей Европе. Посудите же, какой она должна была быть на берегах Черного моря, в степи, где на 50 миль в окружности не встретишь ни дерева, ни малейшей неровности почвы, ни жил, одним словом, никакого убежища, так как неделя же рассматривать как таковое палатку, занесенную снегом. Но смерть и выздоровление служат лекарством от всех болезней, а мне небо предназначало еще счастье, которого я достиг в то самое время, когда считал себя самым несчастным человеком.

15-го князь Потемкин решился взять город приступом, рассчитывая одновременно завладеть как окопами, так и городом. Пять колонн, в 5000 человек каждая, были назначены в атаку.

Правая колонна, под начальством генерала Палена*, должна была атаковать нижнюю часть города, предместье и батарею Гассан-паши. Вторая, слева от нее, под начальством принца Ангальта, должна была войти в окопы в том месте, где они оканчивались в предместье Гассан-паши, и, завладев ими, направиться к городским воротам, названным Стамбульскими воротами.

* *Петр Алексеевич (1745 - 1826), "человек высшего ума, большой храбрости и способный все предпринять и все выполнить" (Ланжерон. Глава заговора против Павла I).*

Третья, левая, под начальством генерал-лейтенанта князя Василия Долгорукого*, должна была войти в окопы в средней части их, развернуться и идти на городское войско.

* *Василий Васильевич (1752 - 1812), генерал-лейтенант с 1783 г. "Большой игрок, большой распутник, весьма мало военный человек... трус до смешного" (Ланжерон). Его жена пользовалась большим расположением князя.*

Четвертая, еще левее, составляя часть левого крыла, под начальством князя Волконского*, должна была войти в окопы и поддержать следующую колонну.

* *Григорий Семенович (1742 - 1824) участвовал в обеих турецких войнах, во второй генерал-лейтенантом. Зять Н. Репнина.*

Пятая, под начальством Георгия Горрича и под командой генерал-лейтенанта Самойлова, была предназначена взять приступом городской бастион с пробитыми последней батареей брешами, о которых я говорил выше, проникнуть в город и облегчить открытие Стамбульских ворот, к которым должна была направиться колонна принца Ангальта.

Князь Репнин вел общую команду. Генеральная атака была назначена на утро 17/6 декабря, на Св. Николая.

15-го утром генерал Рахманов, дежурный генерал при Потемкине, пришел ко мне. Он принес сказать мне, что князь велел предупредить меня, что он назначает меня одним из своих адъютантов. Я заметил ему, что всегда с признательностью принимаю все, что он изволит сделать для меня, но я осмеливался умолять его рассудить, что мною в этом звании он может пользоваться лишь при своей особе; что он, князь, ради общей пользы, не может идти на приступ, а должен быть во главе управления по всем пунктам атаки, во что мне, по моему положению, неприятно будет не идти на приступ, так как я этим хотел заслужить его расположение, отплатить за него. Генерал Рахманов предложил мне лучше написать, чем давать ему устно такое поручение, и обещал тотчас же передать письмо. Я действительно написал, изложив свои мотивы и заклиная его принять их во внимание. Через час я получил его ответ: "Мне кажется, я заслужил, чтобы вы продолжали доверять мне. Я никогда не перестаю заботиться о том, что для вас может быть приятно и выгодно. Имейте же терпение".

Этот столь вежливый и ласковый ответ закрывал мне рот, но не избавлял меня от беспокойства, которое меня волновало; однако мне невозможно было больше просить, и я вынужден был предоставить себя судьбе, которую князь мне готовил, основывая свои надежды на постоянной внимательности и благосклонности князя ко мне. Немного спустя я получил новое доказательство его забот и попечений обо мне, которое тронуло меня до глубины души.

16-го утром князь издал по армии следующий приказ: "Граф Дама, получив со званием моего главного адъютанта чин полковника армии, будет во время приступа командовать 800 избранных гренадер, предназначенных открыть шествие колонны принца Ангальта".

Узнав об этом приказе, я тотчас же отправился к князю. Он принял меня с обычной благосклонностью и милостью, за которые я не в силах был отплатить ему своим почтением и признательностью. Он объяснил мне, что для того, чтобы дать мне командую, он должен был сначала дать мне звание и что, не имея возможности дать мне звание без надлежащих формальностей, он воспользовался для меня званием главного адъютанта, потому что такого рода производство было в его распоряжении. Он обозначил полк, из которого должен был быть взят мой отряд (полк Екатеринославских гренадер), и позволил мне тотчас же пойти и осмотреть его.

Принц Ангальт, любимцей меня, как сына, был настолько любезен, что отобрал и сделал превосходный состав. Мы оба возвратились к князю на обед, предварительно приготовив все, и на лицах наших лежал отпечаток довольства, могущего послужить предзнаменованием успеха. Последовавшее время я посвятил своим личным делам. Хотя у меня и были наилучшие предчувствия, я не скрывал от себя, что утро следующего дня, может, дорогая и прелестная сестрица, будут для и убит во время приступа, который мы собираемся сделать. Во всяком случае, это произошло бы самым приятным образом, так как я иду во главе 800 гренадер, которых князь мне изволил поручить. Вы, конечно, поймете, что я сердечно рад. Даю вам честное слово, что я твердо уверен, что буду вести себя превосходно. У меня есть хорошее предчувствие, да к тому же ваше маленькое личико, которое не переставаю еще приносить мне счастье и которое не покидает меня в прекрасней день моей жизни.

Между тем, так как все возможно и я нахожусь вдали от людей, которых люблю, мне хочется поручить одной из особ, которую я люблю больше всех, маленькое завещание моих чувств, так как другого я не могу сделать, как вам известно. Так вот, среди нашей семьи, т.е. моей тетке, моему дяде, моим братьям и даже моему отцу вы скажете, если получите это письмо: мы потеряли Рожера, любившего нас от души, счастье свое полагавшего в надежде нас вновь увидеть, обладавшего и недостатками, которые, однако, следует забыть, потому что он в чувствах своих не относился легко ни к одному из нас. Затем вы отпустите всех. На следующий день отправьтесь к моей тетке, уверьте ее, что я обожал ее, что совесть ее и просьбы, которым я, по ветрености своей, не всегда следовал, производили на меня все же всегда большее впечатление, чем чьи бы то ни было, и вы до тех пор не уходите от нее, пока она не убедится вполне и не обещает вам жалеть обо мне, как о сыне. После того отправьтесь к моему дяде, скажите ему, что я кляну́сь, что ни на одно мгновение за всю мою жизнь я не забывал его доброты и нежности; что я, быть может, и слишком часто пренебрегал его советами, но что они навсегда запечатлены были в моем сердце и что я не сделал ни шагу без мысли о том, какое впечатление он должен произвести на него; что я иногда и переходил границы, когда это могло рассердить его на короткое время, но никогда не поступал так, чтобы лишиться его расположения; что я любил его нежно и больше, чем любят отца, потому что он обращался иногда со мной, как с сыном, не по обязанности, а по склонности сердца. Тысячу раз поцелуйте старшего брата; он знает, как я его любил. Поцелуйте за меня аббата, которого я люблю с каждым днем все сильнее и сильнее. Постарайтесь изменить мнение моего отца в мою пользу, если он все еще плохого обо мне мнения. Я не менее любил его, хоть и небрежно относился к нему. Не забудьте и Ростана, которого я тоже люблю.

Затем, дорогая, вскройте все порфели, находящиеся в бюваре, который я вам посылаю; все письма, почерк которых вы узнаете, например: все письма М-те де Куаньи (Coigny) возвратите, чтобы их никто не читал. Сохраните свои собственные вместе с теми, которые я вам писал. Возвратите Констанции маленький портфель с ее письмами так, как он есть, а также передайте ей мои маленькие часы с анютиными глазками; расскажите ей обо мне, позаботьтесь о ее счастье и чтобы ее любовь ко мне впоследствии не навлекла ей неприятностей в семье. Сделайте это в том случае, если она еще помнит меня, чего я не знаю*. Сожгите письма, почерк которых вам покажется незнакомым. Дайте Маркандье 50 луидоров; таким образом будет уплачен весь мой долг и даже с лихвой. Рассмотрите все мелкие вещи в бюваре, принадлежащие кому-нибудь другому (например: маленькое стальное кольцо М-те де Куаньи), и возвратите их по адресу.

Вот и все, ангел мой. Что касается вас, то уверяю, я любил вас безумно последние 2 года и пренебрегал вами лишь в те годы, когда я еще не умел оценить ваши нравственные качества и когда я видел, что немногого стою в ваших глазах; вы же выказывали большой интерес ко мне. Но с тех пор, как я узнал, что вы самое совершенное создание неба, какое когда-либо существовало, и что тем не менее вы не выказываете дружеских чувств ко мне, вы, благодаря моему самолюбию, вызвали во мне ту любовь к вам, которая всегда была в глубине моей души. Письмо это с